
ДЕНИС ГРОМОВ
КОТЁЛ
ПОЛК НА ДОВОЛЬСТВИИ

Денис Громов

Полк на продовольствии. Котёл

https://litres.ru/74914989
SelfPub; 2026

Аннотация

1941 год. Война. Окружение. И две тысячи солдат, которых нужно накормить, прежде чем отправить в бой.

Олег Николаевич двадцать два года прослужил в армейском тылу. Он знает, как достать невозможное, выбить необходимое и заставить работать то, что давно должно было сломаться.

Вот только теперь он — Василий Шмаков, интендант третьего ранга, оказавшийся в самом пекле Великой Отечественной войны.

Июль 1941-го. Разбомбленный эшелон, сгоревшие запасы, голодный полк и командир, который считает нового интенданта вором.

А впереди — Вяземский котёл.

Олег знает, чем всё закончится. В прошлой истории полк погиб, штаб пропал без вести, знамя было утрачено.

Но историю можно попробовать переписать.

Для этого не нужны суперспособности или оружие из будущего. Нужны котёл, немного смекалки, железная хватка и умение считать.

Потому что войну выигрывают не только те, кто стреляет. Но и те, благодаря кому солдату есть чем стрелять, что надеть и что поесть.

Содержание

Глава 1 5
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Денис Громов
Полк на продовольствии. Котёл

Глава 1

Медальон лежал под левым плечом, там, где у живого человека бывает нагрудный карман.

Я увидел его не сразу. Сначала щуп упёрся во что-то твёрдое, и я отложил его и взял совок, потом кисточку, потом просто пальцы, потому что на суглинке волос бесполезен. Земля на Богородицком поле весной тяжёлая, жирная, она липнет к перчаткам и пахнет так, будто её только что перевернули плугом. Её и переворачивали, каждый год, лет шестьдесят подряд. Колхоз пахал по костям и не знал этого, а может, знал и всё равно сеял, потому что больше было негде.

— Николаич, чего там? — крикнул с соседнего раскопа Серёга Пастухов, наш командир отряда.

— Верховой. Похоже, офицер. Ремень с пряжкой со звездой.

— Медальон ищи, — велел Серёга.

Пенал был чёрный, бакелитовый, размером с мизинец. Я не стал открывать его сразу, а положил на ладонь и подержал,

как держат что-то тёплое. Мы всегда так делали, хотя никто никого этому не учил.

Рядом из стенки раскопа торчал угол сумки, сгнившей до картона, а ниже белели мелкие кругляши. Я сначала решил, что это пуговицы, потом выковырял один и понял: костяшки от конторских счётов. Их было десятка два, раскатившихся веером, и бурая проволока рассыпалась в пальцах, как сухая трава.

— Счёты, — пробормотал я. — Бухгалтер, что ли.

К вечеру медальон вскрыли в палатке, под лампой. Валя Кротова, наша студентка-архивистка, разворачивала вкладыш пинцетом минут двадцать, не дыша, а мы стояли вокруг. Чернила выцвели до ржавого цвета, но читались.

«Шмаков Василий Егорович, интендант 3 ранга, 1907 г. р. Калужская обл., Мещовский р-н, д. Серпейка. Мать Шмакова Анисья Фроловна».

— Интендант, — протянул Серёга. — Тыловик. Ну, вот и тыловик тут лёг.

— Тут все легли, — буркнул кто-то из ребят.

Я ушёл из палатки и сел на бревно у костра. Сердце с утра покалывало, слева и чуть под лопатку, но таблетки лежали в «Ниве», а до неё было полтора километра по раскисшей дороге. Пахло дымом и черёмухой из оврага. Я думал про счёты. Человек тащил их с собой из окружения, в октябре, по грязи и снегу, когда бросали даже винтовки. Зачем? Отчитываться? Перед кем?

Я сам двадцать два года отчитывался. Зампотыл мотострелковой бригады, потом склад в Конакове, ночные фуры, накладные, недостачи. Что такое ведомость, которую надо сдать любой ценой, я понимал лучше, чем мне хотелось.

Валя вышла из палатки, держа в руке фонарик.

— Олег Николаевич, я по базе уже посмотрела, — сообщила она. — Он есть. Помощник командира полка по хозчасти. Полк в октябре сорок первого выходил отсюда, из кольца. В донесении: пропал без вести, весь штаб полка. Знамя утрачено.

— Весь штаб, — повторил я.

— Ну да. Тут же видите, что было. — Она махнула фонариком в сторону поля, и луч ушёл в темноту и ни на что не наткнулся.

Сердце ударило один раз очень сильно, будто его толкнули изнутри кулаком. Потом стало тихо и как-то широко. Я ещё успел подумать, что Валя сейчас испугается, а она совсем молоденькая. Потом костёр поплыл влево, и небо стало низким, как потолок.

* * *

Первым вернулся звук. Гудело, причём не внутри черепа, а снаружи, сверху, тягуче и с подвывом, и этот вой я знал по кинохронике и по старым записям, которые крутили нам ещё в училище. Потом гул перешёл в вой, и земля подо мной подпрыгнула.

Я лежал лицом в траве, в канаве, и на спину мне сыпалось

что-то мелкое и горячее. Пахло горелой краской, сеном и паровозом. Где-то кричала лошадь, по-человечески, длинно, и от этого крика у меня свело живот.

— Товарищ интендант! Живой?

Меня схватили за ворот и потянули вверх. Я увидел лицо: широкое, тёмное от загара и копоти, с седой щетиной и маленькими глазами под бровями. По шее у человека текла кровь из уха, но он, кажется, этого не замечал.

— Живой вроде, — ответил я. Голос вышел хриплый и чужой, выше моего.

— Ну и слава те… живой, и ладно. Лежите, они на второй заход идут.

Он придавил меня к земле ладонью, широкой, как лопата, и лёг рядом. Над нами прошло что-то тяжёлое, с крестами на крыльях. Снова подпрыгнула земля, сыпануло сверху. Я закрыл голову руками.

Руки были не мои.

Это я понял кожей, когда ладони легли на затылок. Затылок был стриженый, колючий, а у меня последние десять лет волос на макушке почти не оставалось. Я поднёс руки к глазам. Пальцы короче моих, толще, ногти с чёрной каймой. На безымянном правой сидел медный перстенёк, вросший так, будто его не снимали с юности.

Я никогда в жизни не носил колец. Даже обручальное не носил, Ленка обижалась, а я объяснял, что на технике кольцо может оторвать палец вместе с собой.

— Отошли, — сообщил мужик рядом и сел. — Ну, дела. Вот это разгрузились, товарищ интендант. Вот это мы прибыли на фронт.

Я тоже сел.

Передо мной была одноколейка, насыпь, за ней лес, и на путях стоял эшелон, вернее, то, что от него осталось. Паровоз завалился набок, выпустив пар в траву. Три вагона горели, четвёртый, теплушка, был разорван пополам, и из него торчали доски, как рёбра. Лошади носились по лугу, и одна, гнедая, лежала у самой насыпи и била ногами. Её крик я и слышал.

На платформах ближе к хвосту стояли повозки, двуколки, а между ними что-то большое, на колёсах, с трубой, опрокинутое. Из трубы сыпалась зола.

Полевая кухня. Мозг работал отдельно от меня и раскладывал всё по полочкам, как привык: кухня одна, опрокинута; повозок вижу девять; лошади разбежались; паровоз выведен из строя; ведётся тушение подручными средствами.

А сам я сидел в канаве и не понимал, кто я.

— Голову не задело? — спросил мужик и наклонился ко мне. — У вас тут… вон, на виске.

Я потрогал висок. Пальцы стали красными. Не больно, только саднило и тянуло.

— Ухо у тебя, — показал я на его шею. — Кровь идёт.

Он провёл рукой по шее, посмотрел на ладонь и вытер её о штаны.

— А, это барабанная, видать. Это ничего, это у меня с империалистической ещё одно ухо такое, теперь будет два, — он вдруг засмеялся, коротко, и я понял, что он тоже контужен и не очень понимает, что смеётся.

На петлицах у него были четыре треугольника. Старшина. Я машинально посмотрел на свои: петлица тёмно-зелёная, с красным кантом, и на ней одна шпала. Одна шпала у интенданта значит третий ранг.

Интендант третьего ранга.

Я вспомнил вкладыш под лампой, ржавые чернила, Валин пинцет. Шмаков Василий Егорович. Сердце, которое теперь было чужим, ударило о рёбра.

— Старшина, — я постарался говорить спокойно. — Какое сегодня число?

Он посмотрел на меня внимательно, долго, как смотрят на пьяного, решая, бить или нести.

— Четырнадцатое, товарищ интендант. Июля. Понедельник. Ярцево вон там, за лесом, километров шесть. Вас крепко тряхнуло, похоже.

— Похоже, — согласился я. — Год какой?

Старшина помолчал, потом медленно перекрестился, хотя по нему было видно, что крестился он нечасто и сам себе удивился.

— Сорок первый, Василий Егорович, — тихо ответил он. — Вы того… вы полежите. Я Надежду Павловну позову.

— Не надо никого звать.

Я встал. Ноги держали, хотя и мягко, как после температуры. Тело было ниже моего и тяжелее в плечах, и земля качалась под непривычным углом. Справа висела кобура, слева полевая сумка, новая, ещё пахнущая магазином. Она хлопнула меня по бедру, и внутри что-то сухо застучало, мелко и знакомо.

Я открыл её. Там лежали химический карандаш, пачка бланков, «Боевой устав пехоты», кисет и конторские счёты, маленькие, дорожные, в деревянной рамке.

Я закрыл сумку и долго стоял, держа ладонь на клапане.

Двадцать два кругляша веером в суглинке. Бурая проволока. Октябрь.

* * *

— Шмаков! Шмаков, твою душу!

Я обернулся раньше, чем сообразил, что зовут меня.

По насыпи шёл, хромая на правую ногу, высокий худой командир с биноклем на груди и наганом в руке. Наган он держал так, будто только что хотел кого-то застрелить и передумал. За ним поспевали молоденький лейтенант с планшетом и пожилой лысый политработник в очках, со звездой на рукаве.

На петлицах у хромого было две шпалы. Майор.

— Шмаков, где кухни?

Я посмотрел на опрокинутую кухню на платформе, потом на майора.

— Одна вон там, товарищ майор. Опрокинута, будем ста-

вить. Остальные выясняю.

— Выясняет он! — майор остановился передо мной, и я увидел, что глаза у него светлые, почти белые от бешенства, а у рта дёргается жилка. — У меня через три часа полк уходит на позиции. Три батальона, тысяча девятьсот душ. Они со вчерашнего утра не ели, потому что ты, мать твою, кормил их в эшелоне сухарями, а котлы вёз под брезентом, чтобы не запачкались! Где кухни, я спрашиваю?

— Захар Ильич, человек контужен, — негромко вмешался лысый. — У него вон висок разбит.

— А у меня полк голодный, Пётр Савельевич! — майор не обернулся. — Через три часа. Горячее. Как хочешь. Не будет, отдам под суд, и не посмотрю, что ты из райпотребсоюза и тебе тут всё в диковинку.

Он развернулся и захромал обратно. Лейтенант побежал за ним. Лысый задержался и посмотрел на меня поверх очков, устало и без всякого начальственного выражения.

— Вы как, Василий Егорович? Сможете?

— Смогу, — пообещал я.

Он кивнул, тронул меня за рукав, будто проверяя, на месте ли я, и пошёл следом за майором.

— Кто это? — спросил я старшину, когда они отошли.

Старшина посмотрел на меня ещё внимательнее, чем в канаве.

— Комиссар полка, товарищ Кудинов. А командир наш, майор Буров. Вы их с Ельца знаете, Василий Егорович. С

формировки.

— Знаю, — согласился я. — Голова гудит, путаю всё. А ты кто будешь?

Старшина вздохнул так тяжело, что мне стало его жалко.

— Лопатин я. Фрол Евсеевич. Старшина хозяйственного взвода. Вы меня из всех старшин дивизии сами выбрали. За то, что я на пароходе буфетом заведовал, и вы сказали… — он запнулся. — Сказали, что буфетчик своего не упустит.

Он произнёс это так, что я понял: в словах было что-то ещё, и старшина ждёт, как я отзовусь.

Я промолчал и достал из сумки бланки и карандаш.

— Пошли считать, что у нас осталось.

* * *

Считать я умею. Не в смысле арифметики, а в том, чтобы из хаоса получился список, из списка план, а из плана грузчик у каждой фуры к семи утра.

Мы обошли эшелон с хвоста до головы, Лопатин впереди, я следом, и я записывал всё химическим карандашом на бланке, слюнявя грифель, потому что иначе он не брал бумагу. Язык после этого стал лиловым.

Кухонь у полка было три. Одна лежала на боку, но котёл был цел, только колесо погнуло. Вторая сгорела дотла. Третьей не было вообще: её погрузили, по словам Лопатина, «в Ельце на хвостовую», а ту платформу при манёврах в Вязьме отцепили, и где она теперь, знал только бог и железнодорожный диспетчер.

Повозок уцелело одиннадцать. Лошадей поймали пока двадцать шесть из сорока трёх. Гнедую у насыпи пристрелил кто-то из бойцов, и она теперь лежала тихо, а над ней уже кружились мухи.

Продукты. Тут Лопатин занервничал, и я заметил это раньше, чем он открыл рот.

— Продукты в третьем вагоне, — он показал на тот, разорванный пополам. — Там была мука, крупа, жиры, сахар. И махорка. Ну, и консервы, ящиков тридцать.

Мы подошли. Вагон догорал. Пахло жжёным сахаром, и мешки внутри тлели, а один, лопнувший, высыпал на насыпь пшено, и в нём прыгали искры.

— Сколько было сахара? — спросил я.

Лопатин помолчал.

— По ведомости триста восемьдесят килограммов.

— А на самом деле?

Он посмотрел на меня так, будто я заговорил на китайском.

— Как всегда, Василий Егорович, — осторожно, с паузой, ответил он. — Как вы велели.

Я ничего не ответил. Записал: «Сахар. Вагон 3. Уничтожен пожаром при бомбёжке, остаток уточняется». И посмотрел на эти слова, и мне вдруг стало холодно посреди июльской жары. Я понял, о чём он. Понял и то, что пожар этот был для кого-то очень кстати. Пожар списывает всё.

Ладно. Это потом.

— Крупа какая?

— Пшено, — Лопатин почесал щёку. — Ну и перловки сколько-то.

— Сколько людей в полку? — уточнил я.

— Тысяча девятьсот двенадцать по утренней строевой записке. Было. Сейчас меньше, тут убитые есть, раненые. Человек сорок, говорят.

Тысяча девятьсот. Норма раскладки всплыла у меня в голове сама собой: хлеб, крупа, мясо, жиры, граммы. Я этих цифр не учил. Мне их подсовывала чужая голова, в которой я теперь жил.

На горячее для полка нужно было часов шесть работы четырёх кухонь. У меня была одна кривая. И три часа.

* * *

Мне нужно было что-то, в чём можно варить. Много. Я огляделся. Вдоль насыпи лежало хозяйство, которое везёт с собой стрелковый полк, и мозг мой зампотыловский уже раскладывал его по графам: вещевое, обозное, санитарное.

— Фрол Евсеевич, у санчасти есть баки? Кипятильники?

— Это вы у Надежды Павловны… у военфельдшера спросите, — пожал плечами старшина. — Есть, наверное. Для перевязочной.

— А бочки? Железные бочки есть?

— Из-под горючего. Две пустых в хозвзводе, для воды возим.

— Котелки у бойцов?

Лопатин посмотрел на меня с некоторым недоумением.

— Ну, котелки у всех. А как же.

Я считал. В солдатский котелок входит литр с небольшим. Если варить на кострах, поротно, каждый на двоих, бойцы справятся сами. Но туда надо что-то положить. Пшена у меня вагон, обгорелый, но много. Жира нет. Мяса нет, кроме тридцати ящиков консервов, а на две тысячи ртов это слёзы.

Двое бойцов у насыпи отгоняли гимнастёрками мух от убитой лошади. Я долго смотрел на неё.

— Фрол Евсеевич. Сколько лошадей пострадало? Не убежавших, а таких?

Лопатин понял сразу. Буфетчик своего не упустит, это было точно.

— Гнедая вот. Ещё двух у паровоза побило, их там кончать надо, ноги перебиты. И в лесу одна, говорят, с распоротым брюхом ходит.

— Четыре лошади, — я записал. — Это шестьсот килограммов мяса как минимум. На суп хватит всему полку.

Старшина крякнул и посмотрел на меня как-то по-новому.

— Конину бойцы есть станут? — усомнился он.

— Бойцы станут есть то, что горячее. Режь. Бери людей, кто с ножом управляется. Есть у нас кто из деревенских, кто резал?

— Да полвзвода, — Лопатин вдруг оживился, и я понял, что он рад делу, которое не про сахар. — Вот с этим, това-

рищ интендант, я мигом. Только бумагу дайте. Что, мол, по вашему приказу. Лошадь числится за полком, это ж имущество.

Я написал ему бумагу. Акт об убое лошадей, павших в результате вражеской бомбардировки, для использования мяса на довольствие личного состава. Подпись. Шмаков.

Росчерк вышел сам. Я поставил карандаш, и рука сделала росчерк, лихой, с завитушкой на «к» и хвостиком на конце, совсем не мой. Свою подпись я ставил на тысячах накладных и знал её наизусть, она была короткая и злая. Эта была длинная и как будто с гонором. Я смотрел на неё секунду, потом оторвал лист и отдал Лопатину.

* * *

Военфельдшер нашлась у разбитой теплушки. Она стояла на коленях перед бойцом, у которого вместо правой голени было красное, обмотанное, и затягивала жгут. Бойцу было лет восемнадцать. Он не кричал, только мелко и часто бил ладонью по траве.

Я подождал. Она затянула узел, вытерла руки о подол халата, который был надет поверх гимнастёрки, и подняла голову. Лицо у неё было резкое, скуластое, тёмные волосы стянуты назад так, что натянулась кожа на висках, и на скуле засохла чужая кровь.

— Чего вам, Шмаков?

Голос был ровный и очень недружелюбный. Видимо, прежний хозяин моего тела и ей чем-то успел насолить.

— Мне баки нужны, — объяснил я. — Кипятильники. Всё, в чём можно варить.

— У меня раненые, — отрезала она.

— Я знаю. Им тоже нужен горячий бульон. А я сварю. Если дадите чем.

Она посмотрела на меня, на мой висок, на сумку. Подняла бровь.

— У вас кровь. Сядьте.

— Некогда, — отмахнулся я.

— Сядьте, я сказала, — повысила она голос.

Я сел на шпалу. Она взяла меня за подбородок жёсткими пальцами, повернула голову к свету и чем-то протёрла висок. Защипало так, что потемнело в глазах.

— Осколком чиркнуло, — объявила она. — Ерунда. Голова кружится? Тошнит?

— Немного, — признался я.

— Контузия, — заключила она. — Вам бы лечь на сутки.

— Мне бы через три часа две тысячи человек накормить.

Она отпустила мой подбородок, но руку не убрала, и я почувствовал, что пальцы у неё холодные, несмотря на жару. Потом она встала.

— Два бака по сорок литров, — бросила она, поднимаясь. — Кипятильник один, он мне самой нужен. Баки берите, но к вечеру вернёте пропаренными. Если грязными, я вас в них и сварю.

— Договорились, — кивнул я.

— И не врите мне больше, как в Ельце, — добавила она, не оборачиваясь. — Про марлю.

Я не знал, что было про марлю. Подозревал, что ничего хорошего.

* * *

К трём часам дня у насыпи горело тридцать костров.

Варили побатальонно. Над кострами висели на кольях котелки, а в центре стояли два медицинских бака и две бочки, которые Лопатин выжигал соломой час, пока из них не перестало пахнуть бензином. Дух всё равно остался, но под конину его никто не различал.

Кухню мы поставили на колёса. Погнутое заменили колесом от повозки, и кухня стояла кривая, как пьяный на свадьбе, но топка топилась. Возле неё распоряжался круглый человек лет под шестьдесят, в белом колпаке, неизвестно как уцелевшем при бомбёжке. Он орал на бойцов, рубивших мясо, с такой страстью, что его боялись больше, чем «юнкерсов».

— Это ж вы что творите, это ж вы мясо рубите или полено колете? Вдоль, вдоль волокна, ну куда же ты поперёк! Это же конь, он за свою жизнь натрудился, его уважить надо, а ты его как лиходей какой! Дай сюда!

Он выхватил у бойца тесак и в три движения разделал кусок так, что тот лёг на доску ровными брусками, как в магазине.

— Пятаков, дядя Митя, — шепнул мне Лопатин. — До

войны в вагоне-ресторане служил, «Москва — Минск».

Повар меня заметил и вытер тесак о фартук.

— Товарищ интендант! Соли нету. Соли нету, вы понимаете? Это ж не еда без соли, это ж издевательство над продуктом! Конина пресная, сама по себе сладковатая, ей соль нужна, лук, лавровый лист, в конце концов!

— Соль сгорела? — обернулся я к Лопатину.

— Соль в том же вагоне была. Мешок вон, спекся.

Мешок соли лежал на насыпи, обгорелый, и соль внутри спеклась в серую глыбу. Я взял полено и ударил. Внутри соль была белая, только сверху тёмная корка.

— Отбить корку. Внутри чистая.

Дядя Митя посмотрел на глыбу, на меня, и вдруг заулыбался так широко, что колпак съехал набок.

— Вот! Вот это по-нашему! А лук?

— Лука нет.

— Дядя Митя, — я понизил голос. — Вон там за насыпью лес. В лесу июль. Щавель есть?

Он подумал.

— Конский. Ну, это ничего, он кислит. А ещё сныть по опушке.

— Отправь двух ребят. Пусть рвут.

Повар посмотрел на меня с уважением, которое, видимо, раньше Шмакову не доставалось.

* * *

В половине шестого мы кормили.

Бойцы подходили поротно, с котелками, и дядя Митя черпал из кухни огромным половником, а у баков стояли его помощники. Суп был густой, пшено разварилось, конина плавала большими кусками, и сверху зеленели листья. Пахло так, что у меня самого заурчал чужой живот, и я вспомнил, что последний раз ел картошку у костра, в мае две тысячи двадцать шестого года.

Я стоял у кухни с бланком и отмечал роты. Бойцы были молодые, многие совсем мальчишки, в невыгоревших гимнастёрках, у некоторых без касок, и у всех на ногах обмотки. Я смотрел на них и думал, что через три месяца будет снег, а к декабрю мороз под сорок.

Подошёл боец, высокий, рыжий, с котелком и крышкой.

— Товарищ интендант, а это чего, конина? — поинтересовался он.

— Она самая.

— Это ж Гнедко, что ли? Наш, из второй роты?

Я помолчал.

— Гнедко погиб при бомбёжке. Ешь.

Он постоял.

— Ну, раз погиб, тогда ладно, — решил он и пошёл, на ходу дуя в котелок.

Майор Буров пришёл в начале седьмого, сел на ящик у первого батальона и долго смотрел, как едят. Потом захромал ко мне.

— Это что? — Он кивнул на кухню.

— Суп. Пшено, конина, щавель.

— Конина откуда? — допытывался он.

— Лошади, убитые при бомбёжке. Четыре головы. Акт составлен.

Жилка у его рта больше не дёргалась.

— В бочках варил? — уточнил Буров.

— В бочках из-под горючего, выжженных. И в баках санчасти. И в котелках побатальонно.

— Хм, — он потоптался. — А в эшелоне чего так не кормил?

Я не знал, почему тот, другой, не кормил. Можно было свалить на неразбериху. Вместо этого я посмотрел Бурову в глаза.

— Дурак был, товарищ майор, — признался я.

Позади нас бойцы стучали ложками, кто-то смеялся.

— Тыловая крыса, — тихо произнёс Буров. Произнёс без злости, скорее с удивлением, как говорят «надо же». — Пётр Савельевич считает, что ты человек. Я считаю, что ты вор. Посмотрим, кто прав.

Он повернулся и ушёл. Котелок ему отнёс Лопатин, позже, к штабной палатке.

* * *

Ночью полк ушёл.

Он уходил на запад, к Ярцеву, к реке Вопь, и я стоял у дороги и смотрел, как проходят люди, которых я накормил. Многих из них я больше не увижу, только не знал, кого имен-

но.

Хозвзвод оставался у станции до утра, грузить уцелевшее и ловить лошадей. Лопатин спал на мешках, накрывшись шинелью, и храпел с присвистом. Дядя Митя чистил котёл, ругая его ласково, как кота. С запада, куда ушёл полк, погромыхивало, и над лесом вспыхивало, как в грозу.

Я сел на ящик и достал из сумки кисет. Руки сами оторвали полоску от газеты, насыпали махорки, свернули, лизнули край. Двадцать лет назад я бросил курить. Теперь мои пальцы держали самокрутку и ждали огня.

Я прикурил от уголька из топки. Дым был злой, драл горло, и тело приняло его с такой благодарностью, что закружилась голова. Ладно. Это тоже потом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.